

Старший мальчик оглядел роскошную комнату, перевел взгляд на свои нарядные одежды, и на его личике отразилось сомнение. Наконец он решился озвучить то, что его тревожило:

— Папочка, а когда мы вернемся домой?

Младший тоже уставился на отца своими черными блестящими глазами, ожидая ответа. В детской памяти та деревня, где они выросли, была единственным знакомым и надежным миром. И хотя нынешний дом был огромен и прекрасен, после долгого путешествия сердца детей потянулись к родному пепелищу.

Цзи Юань отнесся к этому с пониманием. Он не стал отрываться пустыми обещаниями, а серьезно объяснил сыновьям:

— После этого путешествия мы, скорее всего, больше не вернемся в Дахуайцунь. Если вам захочется там побывать, вы сделаете это сами, когда подрастете. А пока — согласны ли вы всегда быть рядом со мной, куда бы я ни отправился?

Дачжуан переглянулся с братом, затем посмотрел на отца. Он не по годам серьезно обдумал услышанное, после чего решительно кивнул:

— Мы всегда будем с тобой, папочка. Куда ты, туда и мы.

Эрчжуан обеими ручонками обхватил руку отца, словно боясь, что тот может их бросить. Цзи Юань, который и помыслить не мог о том, чтобы оставить этих крох, ласково погладил их по головам.

— Вот и славно. Пойдите поиграйте немного, а папа пока умоется и переоденется.

Служанка Цайцзюй тут же подхватила маленьких господ и увела их во двор.

Оставшись один, Цзи Юань прошел за ширму. Вода в кадке была свежей; он скинул одежду и погрузился в тепло. Смыв дорожную пыль и вымыв волосы, он вышел, позволив длинным влажным прядям свободно рассыпаться по спине.

— Папочка! — Дачжуан и Эрчжуан, завидев отца, со всех ног бросились к нему.

Слуги, знавшие свое дело, тут же принялись за уборку, а Цайцзюй и Цайся встали подле нового хозяина.

— Господин, не проголодались ли вы? — спросила Цайся. — Может, велеть на кухне подать чего-нибудь?

— Вы хотите есть? — Цзи Юань посмотрел на сыновей.

— Хотим, — братья одновременно потеряли животы, уставившись на отца умоляющими глазами.

— Тогда вели принести еды. Немного, выбери что-нибудь легкое, что будет полезно детям.

Сам Цзи Юань тоже чувствовал голод. Распорядившись, он увел сыновей в комнату. Вскоре служанки накрыли на стол. Покончив с едой, отец почувствовал навалившуюся усталость и решил немного вздремнуть. Дети, конечно, устроились по обе стороны от него.

— Папочка, а куда делся дедушка Тан? — Эрчжуан, прижавшись к отцовскому плечу, широко открыл блестящие глаза, в которых не было ни капли сна.

— Дедушка Тан тоже отдыхает. Когда проснетесь, увидите его. А теперь спите.

Цзи Юань, едва сдерживая зевки, от которых на глазах выступили слезы, терпеливо отвечал на бесконечные вопросы. В такие моменты он особенно остро чувствовал «прелести» отцовства: стоило одному закрыть рот, как начинал другой, а отвечать приходилось за двоих.

Наконец, не дождавшись очередного ответа, мальчики приподняли головы и увидели, что отец уснул. Они притихли и, свернувшись калачиком под его боком, вскоре и сами начали клевать носами. Прошло совсем немного времени, и в комнате воцарилась тишина. Услышав мерное дыхание детей, Цзи Юань во сне едва заметно улыбнулся и окончательно погрузился в глубокий, спокойный сон.

Они проснулись лишь тогда, когда солнце начало клониться к закату, окрасив западную часть неба багрянцем.

Ужин подали в главном дворе, в покоях двоюродного дедушки. Стол ломился от яств, приготовленных в их честь.

Поначалу дети робели перед Тан Минсюанем, но, почувствовав его искреннюю доброту, быстро оттаяли. Стеснение сменилось азартом: вскоре оба брата с аппетитом уплетали мясо, так что их щеки лоснились от жира. Хозяин дома лишь с улыбкой наблюдал за этим, ничуть не выказывая брезгливости.

После ужина служанки увели детей смотреть на карпов в пруду, а Цзи Юань и его дядя

остались в беседке за чаем. Разговор неизбежно коснулся резиденции хоу Пинъюань.

Тан Минсюань не стал ходить вокруг да около:

— Теперь, когда ты вернулся, ответь честно: хочешь ли ты признать родство с семьей хоу?

— Признание мало что значит, — спокойно ответил Цзи Юань. — Даже если я захочу, не факт, что они захотят принять меня.

Он рассуждал здраво: если за столько лет резиденция хоу не удосужилась его разыскать, значит, там давно вычеркнули его из списков живых. В то время как семья Тан никогда не прекращала поисков. Он прекрасно видел разницу между теми, кто его любил, и теми, кому он был безразличен.

— Если ты все же решишь вернуться, я помогу тебе, — добавил дядя, боясь ущемить права племянника. Как-никак, Цзи Юань был законным наследным гэ'эром хоу Фу, и Тан Минсюань не считал себя вправе лишать его возможности признать отца.

— Вернуться туда придется, — серьезно кивнул Цзи Юань. Дядя уже было решил, что тот готов простить предателя-отца, но племянник продолжил: — Скоро годовщина смерти моего родителя. Мы должны пойти и почтить его память. А когда исполним этот долг, я с радостью отправлюсь с тобой в Цзяннань, чтобы поклониться могилам бабушки и дедушки.

Всю дорогу до столицы управляющий Тан просвещал его в делах города, и Цзи Юань не забыл о приближающейся дате. Раз уж он занял место прежнего владельца этого тела, то обязан был исполнить его сыновний долг.

Однако в голове Цзи Юаня зрела и иная мысль.

— Дядя Цзи говорил мне, что, когда мой отец выходил замуж за хоу, он принес с собой огромное приданое. Эти вещи принадлежат семье Тан, и мы должны их вернуть. Я не позволю этим людям наживаться на нашем добре.

Тан Минсюань замер в изумлении. Он никак не ожидал, что племянник нацелился на столь практические цели.

— Неужели я ошибся? — видя его замешательство, уточнил Цзи Юань. — Насколько я помню, законы Великого Чэнь гласят, что приданое остается личной собственностью супруга. Раньше у вас не было законного повода требовать его назад, но теперь я здесь. Я помогу вам забрать то, что принадлежит нам по праву.

Мысленно он уже решил просить управляющего Тана раздобыть свод законов, чтобы изучить их и найти слабые места в обороне семьи хоу.

— Это дядя Цзи тебе рассказал? — Тот и раньше подумывал о возврате имущества, но смерть брата и бесследное исчезновение племянника связывали ему руки. Ему, простому купцу, было не с чем идти в дом хоу. В итоге Фу Чжэньлинь годами транжирил деньги семьи Тан, превратив свое захудалое поместье в одну из самых влиятельных резиденций столицы. Карьера Фу стремительно шла в гору, и Тан Минсюань подозревал, что не обошлось без влияния Третьего принца.

— Да, мы много беседовали с управляющим, — подтвердил Цзи Юань.

— Дядя Цзи мог не упомянуть об одном важном обстоятельстве. — Он наполнил чашку племянника. — Побочная дочь Фу Чжэньлиня — твоя сводная сестра — в прошлом году стала цэфэй Третьего принца. Вернуть приданое твоего отца будет... крайне непросто.

Собеседник тяжело вздохнул. Испокон веков простому люду было не совладать с чиновниками, а тем более — с императорской кровью. Достаточно было одного слова принца, чтобы стереть их семью в порошок. Именно поэтому он предпочитал не вступать в открытый конфликт. Даже до того, как Фу Чжэньлинь обрел столь высокую опору, мужчина не мог с ним справиться. Он боялся подставить под удар весь клан Тан — тысячи людей, чье благополучие зависело от его решений.

— Об этом управляющий Тан действительно умолчал, — Цзи Юань на мгновение замолчал. Ситуация оказалась сложнее, чем он предполагал: к неприятностям с отцом-хоу добавился еще и принц.

Впрочем, замешательство длилось недолго. В голове Цзи Юаня промелькнула идея.

— Дядя, расскажи мне поподробнее о раскладе сил в столице. Ведь у императора, кроме Третьего принца, есть и другие сыновья?

— Разумеется. У Его Величества семеро сыновей и три дочери, — ответил Тан Минсюань, хорошо осведомленный о придворных делах.

— Третий принц — лишь третий по счету. Значит, у него есть двое старших братьев и четверо младших. Государь уже не молод, верно? Назначен ли наследник? И как ты считаешь, у кого из принцев больше всего шансов занять трон? — голос Цзи Юаня звучал вкрадчиво, а в его глазах загорелся огонек холодного расчета.